

Фёдор Достоевский

ДНЕВНИК
ПИСАТЕЛЯ

1876

T8 RUGRAM

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Д70

Достоевский, Ф.

Д70 Дневник Писателя 1876 / Ф. Достоевский. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. — 544 с.

ISBN 978-5-521-76626-0

Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881) — великий русский писатель, один из лучших романистов-классиков, мыслитель, философ и публицист, творчество которого оказало воздействие на мировую литературу.

«Дневник Писателя» — ежемесячный журнал философско-литературной публицистики, в котором представлены статьи и очерки Достоевского, затрагивающие самые разнообразные сферы жизни, в первую очередь, это дневник общественной жизни, пропущенный через личное писательское восприятие. «Дневник Писателя» Достоевского, выпускавшийся в 1876–1877 и в 1880–1881 годах, не имеет аналогов в русской и зарубежной публицистике. В 1873 году под этим же названием писатель вёл свою рубрику в еженедельнике «Гражданин».

В данной книге представлен «Дневник Писателя» за 1876.

BIC FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

ЯНВАРЬ	7
Вместо предисловия	7
Будущий роман	11
Елка в клубе художников. Дети мыслящие и дети облегчаемые. «Обжорливая младость». Вуйки. Толкающиеся подростки. Поторопившийся московский капитан	14
Золотой век в кармане	20
Мальчик с ручкой	23
Колония малолетних преступников. Мрачные особи людей. Переделка порочных душ в непорочные. Средства к тому, признанные наилучшими. Маленькие и дерзкие друзья человечества	25
Российское общество покровительства животным. Фельдъегерь. Зелено-вино. Зуд разврата и воробьев. С конца или с начала?	41
Спиритизм. Нечто о чертях. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти	52
ФЕВРАЛЬ	63
О том, что все мы хорошие люди. Сходство русского общества с маршалом Мак-Магоном	63
О любви к народу. Необходимый контракт с народом.....	70
Мужик марей	76
По поводу дела Кронеберга	84
Нечто об адвокатах вообще. Мои наивные и необразованные предположения. Нечто о талантах вообще и в особенности	88

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

Речь г-на Спасовича. Ловкие приемы	98
Ягодки	110
Геркулесовы столпы	119
Семья и наши святыни	126
МАРТ	129
«Обособление»	132
Дон Карлос и сэр Уаткин.	
Опять признаки «Начала конца»	139
Лорд Редсток	153
Словцо об отчете ученой комиссии.	
О спиритических явлениях	156
Единичные явления	159
АПРЕЛЬ	161
Идеалы растительной стоячей жизни.	
Кулаки и мироеды. Высшие господа, подгоняющие Россию	161
Культурные типики. Повредившиеся люди	165
Сбивчивость и неточность спорных пунктов	175
Парадоксалист	182
Опять только одно словцо о спиритизме	190
МАЙ	201
Областное новое слово	203
Суд и г-жа Каирова	207
Г-н защитник и Каирова	215
Г-н защитник и Великанова	224
Нечто об одном здании. Соответственные мысли	232
Одна несоответственная идея	239
Несомненный демократизм. Женщины	245

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ 1876

ИЮНЬ	249
Мой парадокс	249
Вывод из парадокса	258
Восточный вопрос	261
Опять о женщинах	265
 ИЮЛЬ – АВГУСТ	 271
Выезд за границу. Нечто о русских в вагонах	271
Нечто о петербургском баден-баденстве	275
Идеалисты-циники	278
Постыдно ли быть идеалистом?	285
Немцы и труд. Непостижимые фокусы.	
Об остроумии	292
Русский или французский язык?	304
На каком языке говорить отцу отечества?	309
Что на водах помогает:	
воды или хороший тон?	318
Один из благодетельствованных современной	
женщиной	325
Детские секреты	332
Земля и дети	339
Оригинальное для России лето	346
Post scriptum	350
 СЕНТЯБРЬ	 357
Piccola bestia	357
Слова, слова, слова!	366
Комбинации и комбинации	370
Халаты и мыло	378
Застарелые люди	382
Кифомокиевщина	388
Продолжение предыдущего	393

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

Страхи и опасения	401
Post Scriptum	407
ОКТАБРЬ	409
Простое, но мудреное дело	409
Несколько заметок о простоте и упрощенности	419
Два самоубийства	424
Приговор	429
Лучшие люди	433
О том же	438
НОЯБРЬ. Кроткая (<i>фантастический рассказ</i>)	451
От автора	451
I. Кто был я и кто была она	453
II. Брачное предложение	459
III. Благороднейший из людей, но сам же и не верю	464
IV. Всё планы и планы	467
V. Кроткая бунтует	471
VI. Страшное воспоминание	478
VII. Сон гордости	481
VIII. Пелена вдруг упала	487
IX. Слишком понимаю	493
X. Всего только пять минут опоздал	498
ДЕКАБРЬ	503
Опять о простом, но мудреном деле	503
Запоздавшее нравоучение	515
Голословные утверждения	521
Кое-что о молодежи	527
О самоубийстве и о высокомерии	532
Анекдот из детской жизни	537

ЯНВАРЬ

Вместо предисловия

*О Большой и Малой Медведицах, о молитве великого
Гёте и вообще о дурных привычках*

...Хлестаков, по крайней мере, врал-врал у городничего, но все же капельку боялся, что вот его возьмут да и вытолкают из гостиной. Современные Хлестаковы ничего не боятся и врут с полным спокойствием.

Нынче все с полным спокойствием. Спокойны и, может быть, даже счастливы. Вряд ли кто дает себе отчет, всякий действует «просто», а это уже полное счастье. Нынче, как и прежде, все проедены самолюбием, но прежнее самолюбие входило робко, оглядывалось лихорадочно, вглядывалось в физиономии: «Так ли я вошел? Так ли я сказал?» Нынче же всякий и прежде всего уверен, входя куда-нибудь, что все принадлежит ему одному. Если же не ему, то он даже и не сердится, а мигом решает дело; не слыхали ли вы про такие записочки:

«Милый папаша, мне двадцать три года, а я еще ничего не сделал; убежденный, что из меня ничего не выйдет, я решил покончить с жизнью...»

И застреливается. Но тут хоть что-нибудь да понятно: «Для чего-де жить, как не для гордости?» А другой посмотрит, походит и застрелится молча, единственно из-за того, что у него нет денег, чтобы нанять любовницу. Это уже полное свинство.

Уверяют печатно, что это у них от того, что они много думают¹. «Думает-думает про себя, да вдруг где-нибудь и

¹ Уверяют печатно... что они много думают. — Полемический намек на рассказ М. Е. Салтыкова-Щедрина «Непочтительный Коронат».

вынырнет, и именно там, где наметил». Я убежден, напротив, что он вовсе ничего не думает, что он решительно не в силах составить понятие, до дикости неразвит, и если чего захочет, то утробно, а не сознательно; просто полное свинство, и вовсе тут нет ничего либерального.

И при этом ни одного гамлетовского вопроса:

Но страх, что будет там...

И в этом ужасно много странного. Неужели это безмыслие в русской природе? Я говорю безмыслие, а не бессмыслие. Ну, не верь, но хоть помысли. В нашем самоубийце даже и тени подозрения не бывает о том, что он называется *я* и есть существо бессмертное. Он даже как будто никогда не слышал о том ровно ничего. И, однако, он вовсе и не атеист. Вспомните прежних атеистов: утратив веру в одно, они тотчас же начинали страстно веровать в другое. Вспомните страстную веру Дидро, Вольтера... У наших — полное *tabula rasa*¹, да и какой тут Вольтер: просто нет денег, чтобы нанять любовницу, и больше ничего.

Самоубийца Вертер, кончая с жизнью, в последних строках, им оставленных, жалеет, что не увидит более «прекрасного созвездия Большой Медведицы», и прощается с ним. О, как сказался в этой черточке только что начинавшийся тогда Гете! Чем же так дороги были молодому Вертеру эти созвездия? Тем, что он осознавал, каждый раз созерцая их, что он вовсе не атом и не ничто перед ними, что вся эта бездна таинственных чудес Божиих вовсе не выше его мысли, не выше его сознания, не выше идеала красоты, заключенного в душе его, а, стало быть, равна ему и роднит его с бесконечностью бытия... и что за все счастье чувство-

¹ Пустота (*букв.* — чистая доска) (*лат.*).

вать эту великую мысль, открывающую ему: кто он? — он обязан лишь *своему лику человеческому*.

«Великий Дух, благодарю Тебя за лик человеческий, Тобою данный мне».

Вот какова должна была быть молитва великого Гете во всю жизнь его. У нас разбивают этот данный человеку лик совершенно просто и без всяких этих немецких фокусов, а с Медведицами, не только с Большой, да и с Малой-то, никто не вздумает попрощаться, а и вздумает, так не станет: очень уж это ему стыдно будет.

— О чем это вы заговорили? — спросит меня удивленный читатель.

— Я хотел было написать предисловие, потому что нельзя же совсем без предисловия.

— В таком случае лучше объясните ваше направление, ваши убеждения, объясните: что вы за человек и как осмелились объявить «Дневник писателя»?

Но это очень трудно, и я вижу, что я не мастер писать предисловия. Предисловие, может быть, так же трудно написать, как и письмо. Что же до либерализма (вместо слова «направление» я уже прямо буду употреблять слово: «либерализм»), что до либерализма, то всем известный Незнакомец, в одном из недавних фельетонов своих¹, говоря о том, как встретила пресса наша новый 1876 год, упоминает, между прочим, не без едкости, что все обошлось достаточно либерально. Я рад, что он проявил тут едкость. Действительно, либерализм наш обратился в по-

¹ ...*Всем известный Незнакомец, в одном из недавних фельетонов своих...* — Речь идет о фельетоне «Недельные очерки и картинки» А. С. Суворина, выступавшего под псевдонимом Незнакомец.

следнее время повсеместно — или в ремесло, или в дурную привычку. То есть сама по себе это была бы вовсе не дурная привычка, но у нас все это как-то так устроилось. И даже странно: либерализм наш, казалось бы, принадлежит к разряду успокоенных либерализмов; успокоенных и успокоившихся, что, по-моему, очень уж скверно, ибо квиетизм¹ всего бы меньше, кажется, мог ладить с либерализмом. И что же, несмотря на такой покой, повсеместно являются несомненные признаки, что в обществе нашем мало-помалу совершенно исчезает понимание о том, что либерально, а что вовсе нет, и в этом смысле начинают сильно сбиваться; есть примеры даже чрезвычайных случаев сбивчивости. Короче, либералы наши, вместо того чтоб стать свободнее, связали себя либерализмом как веревками, а потому и я, пользуясь сим любопытным случаем, о подробностях либерализма моего умолчу. Но вообще скажу, что считаю себя всех либеральнее, хотя бы по тому одному, что совсем не желаю успокоиваться. Ну вот и довольно об этом. Что же касается до того, какой я человек, то я бы так о себе выразился: «Je suis un homme heureux qui n'a pas l'air content», то есть по-русски: «Я человек счастливый, но — кое-чем недовольный»...

На этом я кончаю предисловие. Да и написал-то его лишь для формы.

¹ Квиетизм (от лат. *quietus* — спокойный безмятежный) — религиозное учение, доводящее идеал пассивного подчинения воле Бога до требования быть безразличным к собственному «спасению». Возникло в XVII веке внутри католицизма, было осуждено церковными инстанциями. Переносное значение — созерцательность, бездейственность.